

Моек. правде - 1989 - 15/VIII

Воспоминания

И МЫСЛИ

Книга «О Борисе Пастернаке» Н. Вильмонта, первоначально опубликованная в «Новом мире», а теперь вышедшая отдельным изданием в «Советском писателе», по-своему уникальна. И не только потому, что по существу еще не сложились ни традиция изучения поэтического наследия Пастернака, ни мемуарная традиция. Хотя уже одно это делает книгу Н. Вильмонта новаторской. Всего меньше нам известно о молодости Пастернака, о его переходе к поэтическому «второму рождению», а именно это — сквозной сюжет книги, автор которой был одним из самых духовно близких поэту в 20-е годы. (Б. Пастернак посвятил Н. Вильмунту стихотворение «Пространство» 1927 года). Но самое главное — книга написана филологом, отмеченным редким даром «сопутствования».

Н. Вильмонт был филологом, то есть человеком, чья профессия в буквальном смысле — любовь к Слову, во всем его разнообразии — от просторечия до безмерной насыщенности смыслом слову-логосу. Блистательный знаток немецкой классической литературы — Шиллера, Гете и Т. Манна прежде всего — Н. Вильмонт чувствовал себя, как в родной стихии, и внутри немецкой классической философии. Незадолго до смерти он с наслаждением перечитывал статьи своего друга В. Асмуса, посвященные гениям немецкой мысли. Мне посчастливилось как-то присутствовать при беседе Н. Вильмонта и В. Асмуса, и я был поражен тем, как легко вспоминались здесь Кант и Гегель, и притом, разумеется, по-немецки, и цитировали их с тем увлечением, с каким любитель поэзии читает стихи.

Знавшие лично Н. Вильмонта согласятся с тем, что, может быть, лучше всего он знал русскую литературу и культуру во всех ее проявлениях, включая ее быт — от названия улиц до родовых взаимоотношений русского дворянства. Потомок боярского рода Колычевых, знаменитого митрополита Филиппа, убитого по приказу Грозного, Н. Вильмонт этого не «стеснялся» и не кичился этим.

В науке он принадлежал к той традиции, крупнейшим представителем которой в его поколении был М. Бахтин, а в наше время — С. Аверинцев, высокую оценку дарования которого мне приходилось слышать от Н. Вильмонта задолго до того, как она стала общепризнанной.

Уже по этому безнадежно краткому перечислению мотивов биографии ученого читатель может судить о том, как многое связывало Пастернака и его родственника (брат Н. Вильмонта был женат на сестре Б. Пастернака), какая духовная близость определяла «сопутствование» Н. Вильмонта пастернаковскому творчеству.

Книга «О Борисе Пастернаке», фрагменты из которой автор читал и в частных домах, и в студенческих аудиториях второй половины 60-х годов, имеет подзаголовок «Мысли и воспоминания». Она и впрямь «начинена» воспоминаниями, мельчайшими деталями пастернаковской жизни, быта и языка, убедительными и для тех, кому не посчастливилось столкнуться с уникальной памятью Н. Вильмонта. Но эта память отнюдь не зеркало и не заменитель магнитофона, это память мыслителя, для которого любой факт есть проявление, осуществление, воплощение идеи. Это память человека, влюбленного в «предмет» воспоминания, но влюбленного не слепо, а «зряче», высшим родом любви, любящей в человеке и его недостатки, сквозь них прозревающей его идеальную сущность. Эти воспоминания от многих и многих других отличает трезвое отношение их автора к себе.

Приступив к делу первой же своей фразой: «Умер Борис Пастернак. И сразу стало ясно, что от нас ушел гениальный художник, последний большой поэт современности», Н. Вильмонт почти сразу же объясняет читателю скромную и конкретную задачу, им поставленную: «Хочу успокоить читателя: мои записи не будут посвящены теме «история нашей дружбы». Она едва ли кому интересна. Для дружбы с поэтом Пастернаком я был слишком слабым партнером. Но это щедро меня одарившая близость с годами, как почти все слишком страстные молодые дружбы, перешедшая в многолетние добродружеские отношения, конечно, помогла мне более глубоко проникнуть в духовную суть большого поэта и человека. И как источник для будущей биографии Б. А. Пастернака мои воспоминания, быть может, возымеют некоторую ценность. Впрочем, я отнюдь не даю зарок тщательно избегать всего, что относилось бы к хронике наших отношений».

К этой хронике относилась и голодающая Москва 1921 года, и «Кафе поэтов» на Тверской, и замысел будущей прозы Пастернака, книги с «куском горячей совести», и раздумья о судьбе страны, и выступление В. Асмуса с надгробной речью (акт беспримерного мужества по условиям 1960 года), и размышления об искусстве, и христианство в творчестве Чехова и Пастернака (едва ли не самый насыщенный «воспоминаниями и мыслями» раздел книги).

Среди небольшого фотоотдела привлекает внимание воспроизведенная надпись: «Коля, без Вас не было бы этих лет! Люблю только Вашу взыскательность. Верю, что она никогда враждой не обернется. Другу и единомышленнику, памятная надпись, Б. Пастернак, 12.IV.30».

Воспоминания Н. Вильмонта — замечательный акт дружбы и свидетельство единомыслия и взыскательности, предсказанных Б. Пастернаком на всю оставшуюся жизнь.